

УДК 316.334.4(=51)

ББК 60.56

О-48

Т.М. Ойдуп,

кандидат социологических наук, ученый секретарь Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, г. Кызыл, тел.: +79133426262, (394442)66262, e-mail: tana_o@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАВОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТУВИНСКО-МОНГОЛЬСКОГО ПРИГРАНИЧНОГО СООБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

(Рецензирована)

Аннотация. В статье анализируются результаты социологического исследования мнения жителей тувинско-монгольского приграничного сообщества территорий Тувы и Монголии о проблемах правовой культуры населения, уровня делинквентного поведения и правовой идентичности жителей. В качестве объекта исследования рассматриваются 3 группы респондентов, представители тувинско-монгольского приграничного сообщества, имеющих различное представление о роли и задачах государственной границы. Предметом выступает влияние данных групп на правовую идентичность приграничных территорий. Цель – исследовать особенности правовой идентичности тувинско-монгольского сообщества. Мы выделяем три группы респондентов, которые поддерживают ту или иную точку зрения: государственники, нигилисты и группа доброжелателей. Гипотетически предположили, что правовая идентичность формируется в зависимости от количества сторонников той или иной группы. Проведенное исследование позволило выявить отношение трех групп к вопросам правонарушений на трансграничных территориях, на основании чего был сделан вывод о том, что в целом уровень трансграничной преступности низкий, но население по обе стороны границы по-разному оценивает уровень своей защищенности правоохранительными органами. Монголы чувствуют себя более защищенными, чем тувинские респонденты, при этом более незащищенными ощущают себя нигилистически настроенные респонденты. Был затронут вопрос по предупреждению и снижению преступности в приграничных районах. В ходе исследования мы получили научно обоснованные данные, которые способствуют пониманию правовой идентичности приграничных сообществ тувинско-монгольского участка, выработке конкретных практических мер для решения конфликтных вопросов. А также мы получили подтверждение концептуальным основам теории социологии пространства Г. Зиммеля о том, что граница как социологический факт, принявший пространственную форму, определяется приграничным сообществом. Между Тувой и Монголией одна граница, но, несмотря на это, жители соседних территорий имеют по большинству вопросов различные точки зрения, которые могут быть диаметрально противоположными. Каждая из сторон имеет собственное представление о правовых нормах, о границе, правонарушениях и обо всех прочих элементах правовых процессов тувинско-монгольского приграничного сообщества.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-46-170004.

Ключевые слова: приграничные сообщества, граница, трансграничные территории, тувинско-монгольский участок, преступность, правовые процессы.

Т.М. Oidup,

Candidate of Sociology, Academic Secretary of the Tuva Institute of Complex Development of Natural Resources of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kyzyl, ph.: +79133426262, (394442)66262, e-mail: tana_o@mail.ru

STUDY OF THE LEGAL IDENTITY OF THE TUVA-MONGOLIAN BORDER COMMUNITY: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. The article analyzes the results of the sociological study of the opinion of the residents of the Tuva-Mongolian border community in Tuva and Mongolia territories on the problems of the legal culture of the population, the level of delinquent behavior and the legal identity of the residents. Three groups of respondents, representatives of the Tuva-Mongolian border community, having different knowledge of the role and tasks of the state border are considered as the object of the study. The subject is the influence of these groups on the legal identity of border territories. The aim of the article is to explore the features of the legal identity of the Tuva-Mongolian community. We highlight three groups of respondents who support a particular point of view: state-minded persons, nihilists and a group of well-wishers. Hypothetically, it has been suggested that legal identity is formed depending on the number of supporters of a group. The study revealed the attitude of the three groups towards cross-border offences, based on which we arrived at a conclusion that, in general, the level of cross-border crime was low, but that the population on both sides of the border assessed its level of protection by law enforcement agencies differently. Mongols feel more protected than Tuvian respondents, with nihilistic respondents feeling more unprotected. The issue of preventing and reducing crime in border areas was raised. In the course of the study, we obtained scientifically based data that contribute to understanding the legal identity of the border communities of the Tuva-Mongolian site, developing specific practical measures to solve conflict issues. And we also received confirmation of the conceptual foundations of the theory of sociology of the space by G. Zymmel that the border as a sociological fact, which took a spatial form, is determined by the border community. There is one border between Tuva and Mongolia, but despite this, the inhabitants of the neighboring territories have different views on most issues, which may be diametrically opposite. Each side has its own understanding of the legal norms, border, offences and all other elements of the legal processes of the Tuva-Mongolian border community.

Keywords: border communities; border; Transboundary territories; the Tuva-Mongolian site; crime; legal processes.

Приграничная территория – это не только некая площадь одной страны, которая имеет общую границу с некой площадью другой страны со своим населением и набором природно-ресурсных и социально-экономических отличий. «Практически все исследователи границ и приграничных территорий, вне зависимости от фокуса исследования, отмечают особый статус приграничья, отделяя его от остального пространства национального государства

и наделяя особыми значениями [1; 11-22, 2; 107-113, 3; 3-6]. Уникальность приграничья связывается, с одной стороны, с близостью соседнего государства, с другой – с некоторой изолированностью территории» [4; 492].

На наш взгляд, под приграничными территориями следует понимать, в первую очередь, общность людей, которая проживает на данных площадях по обе стороны границы, которую Г. Зиммель,

основоположник социологии пространства, и указывал в качестве объекта изучения. «Граница – это не пространственный факт с социологическим действием, но социологический факт, который принимает пространственную форму... Хотя эта линия всего лишь обозначает различие отношения между элементами одной сферы и другой...» [5; 314, 6]. При этом Г. Зиммель подчеркивает, что пространство не является определяющим фактором, а общество и взаимодействие между его членами образуют ту уникальную форму, которая независимо от места расположения могла бы сформироваться в любом другом месте. «Но в некоторых случаях пространственная форма оказывается особенно важна для рассмотрения социальных явлений. Это происходит в том случае, если в конструировании «формы совершенства общества» пространственный аспект выступает как первостепенный момент. Одним из примеров может служить так называемая «исключительность пространства». Вполне сходные в прочих отношениях вещи могут различаться именно потому, что занимают разные места в пространстве. Причем некоторые социальные образования могут быть так крепко спаяны со своим пространством, что для других места на том же пространстве уже не остается. Таково государство, исключаящее на своей территории другие государства» [5; 314]. Таким образом, граница как социологический факт, принявшая пространственную форму, определяется приграничным сообществом. Предметная область исследований приграничного сообщества может быть представлена элементами, которые характеризуют сами сообщества, их внутреннее наполнение, а также внешние точки соприкосновения с другим сообществом: социально-демографические, экономические, природно-географические, политические, правовые, экономические, культурные, военные и другие вопросы

взаимодействия. Наполнение приграничного пространства зависит не только от самого пространства, но и от влияния самого сообщества на данное пространство.

Приграничное сообщество тувинско-монгольского пространства с 2010 по 2017 гг. получило принципиально новое основание для расширения дружественных связей. Во-первых, с 1 января 2015 г. был отменен визовый въезд для граждан Монголии и России, что упростило пересечение границы для жителей приграничных кожуунов Тувы и аймаков Монголии, существенно увеличился поток туристов, малых и средних предпринимателей с обеих сторон. Во-вторых, по инициативе обеих стран ведется активная работа по расширению экономических связей, развитию транспортной инфраструктуры и во многих других сферах. Таким образом, мы гипотетически предполагаем, что произошли изменения в сознании жителей тувинско-монгольского приграничья в понимании самого пространства, процессов, происходящих в нем, и роли приграничного сообщества. «Углубление внешнеэкономических связей, усиление процессов интеграции способствуют как изменению роли государственной границы, так и переосмыслению статуса приграничных территорий. Из барьера, разделяющего государства и людей, граница становится ресурсом развития, а приграничные территории превращаются в контактные зоны с интенсивными экономическими, социальными, культурными связями, где формируются специфичные трансграничные пространства и институты» [7; 130-144]. При этом в основе любых приграничных связей лежат как правовые нормы каждой из сторон, так и международные нормы. Соблюдение правовых норм является гарантом спокойствия на любом участке государственной границы.

В общественном сознании можно выделить три общепринятых точки

зрения в отношении правовых норм – законов, правил и различных правовых ограничений, которые можно перенести и на отношение к государственной границе, являющейся, по сути, тоже ограничением. Первая отражает точку зрения сторонников сильного независимого государства, принимающих верховенство закона: «Государственная граница – это надежная, непреступная крепость». Вторая – это позиция сторонников нигилистического отношения к законам и правилам: «Государственная граница – это линия, которая существует только на карте, в жизни границ нет», причем нигилистически настроены могут быть по двум причинам: либо потому что сами склонны нарушать закон, либо потому что видят и уверены, что закон не исполняется в том виде, в каком он заявлен априори. Третья точка зрения «граждан мира», что Земля – это общий дом, мой дом – это твой дом: «Государственная граница – это дверь в доброжелательный дом». Таким образом, мы выделяем три группы респондентов, которые поддерживают ту или иную точку зрения: группа государственников, группа нигилистов и группа доброжелателей. Фиксация принадлежности респондентов к той или иной группе – это не только выражение респондентами своего мнения на конкретный вопрос, а еще и то, что через призму отношения к границе формируется понимание правового самоопределение респондентов.

Объектом нашего исследования являются представители тувинско-монгольского приграничного сообщества, имеющие различное представление о роли и задачах государственной границы. Предметом выступает влияние данных групп на формирование правовой идентичности приграничных сообществ.

Цель – исследовать особенности правовой идентичности тувинско-монгольского сообщества. Задачи: во-первых, проанализировать, как респонденты из трех групп

оценивают фактор границы и систему прохождения через нее, во-вторых, выяснить отношение трех групп к вопросам правонарушений, в-третьих, определить, какие меры необходимо внедрить для улучшения правового климата. В качестве методов исследования мы использовали методологический аппарат социологических исследований. В 2010 и 2017 гг. был проведен опрос населения на основе стандартизированной анкеты. Для удобства респондентов анкеты для тувинских и монгольских респондентов были переведены на тувинский и монгольский языки.

Объект исследования. Три точки зрения мы сформулировали в виде высказываний и предложили их выбрать нашим респондентам. Выбор респондентов распределился следующим образом: первая точка зрения оказалась наиболее популярной: «Государственная граница – это надежная, непреступная крепость», на втором месте – «Государственная граница – это дверь в доброжелательный дом», и на третьем месте – позиция формального отношения к существующим границам (таблица 1).

Сопоставляя результаты ответов тувинцев и монголов за 2010 и 2017 гг., мы отметили увеличение сторонников сильного государства с сильными границами, как среди тувинцев, так и монголов. При этом доля монголов выросла в два раза. И этот рост произошел за счет нигилистически настроенных респондентов. Число приверженцев третьей позиции среди тувинцев не изменилось, доля монголов сократилась. Таким образом, наблюдается тенденция усиления восприятия государственной границы как сильной, надежной, непреступной крепости, за которой находится сильное, надежное государство, способное защитить своих граждан от внешних угроз, с одной стороны, а с другой стороны, образ сильного государства влияет и на правосознание граждан, ограничивает их в совершении

Таблица 1

Мнение респондентов о государственной границе, %

	2010 г.		2017 г.	
	Тувинцы	Монголы	Тувинцы	Монголы
Государственная граница – это надежная, непреступная крепость	46,3	26,1	53,3	45,7
Государственная граница – это линия, которая существует только на карте, в жизни границ нет	16,5	19,3	13,9	7,4
Государственная граница – это дверь в доброжелательный дом	21,3	28,4	21,8	25,9
Затрудняюсь ответить	15,9	26,1	10,9	21,0

противоправных действий. Респонденты, которые выбрали этот вариант ответа, сами выступают основой стабильности и спокойствия на приграничных территориях. И рост числа респондентов-государственников свидетельствует о движении к стабильности и спокойствию на приграничных территориях тувинско-монгольского участка.

Вариант ответа «Государственная граница – это дверь в доброжелательный дом» – второй по популярности ответ, он остается практически неизменным за анализируемый период, что указывает на сохранение дружественных, доброжелательных настроений на трансграничных территориях. Респонденты, выбравшие этот вариант, обеспечивают добрососедские отношения двухстороннего взаимодействия.

«Государственная граница – это линия, которая существует только на карте, в жизни границ нет» – вариант ответа, который, согласно нашему предположению, близок респондентам, рассматривающим законы в качестве ненужных ограничителей их личной свободы, а граница – понятие условное, которое не ограничивает их движений в различных направлениях. Динамика ответов как тувинских, так и монгольских респондентов свидетельствует о сокращении нигилистических настроений по обе

стороны границы, но все же данное настроение присутствует. Эта группа наиболее склонна к правонарушениям, незаконному пересечению границы и другим противоправным действиям. А вот насколько глубоко укоренились нигилистические настроения и могут ли они в реалиях тувинско-монгольского приграничья повлиять на другие процессы, мы проанализируем в нашей статье. Во-первых, выявим общую картину о правовом процессе на приграничных территориях Тувы и Монголии; во-вторых, получим сведения о том, какие правовые настроения наиболее актуальны на данных территориях, существует ли угроза дестабилизации обстановки, развитию конфликтных ситуаций, в-третьих, рассмотрим, какие инструменты, институты и методы необходимо применить для дальнейшего выстраивания правового процесса.

Фактор «граница»

В первую очередь, необходимо выяснить отношение респондентов к самому факту проживания возле границы, какое влияние оказывает государственная граница на повседневную жизнь респондентов. Положительное влияние ощущают 42,4% тувинцев и 79,0% монголов. Для 6,1% тувинцев и 2,5% монголов близость госграницы оказывает отрицательное воздействие. 44,2% респондентов из Тувы не видят влияния

госграницы на свою жизнь, такого же мнения придерживаются 13,6% монголов. Распределение ответов связано со степенью вовлеченности респондентов в трансграничные процессы (торговлю, межэтнические связи и т.п.), а также зависит от возможных проявлений преступности со стороны жителей соседних приграничных территорий.

Проанализировав данные из таблицы сопряженности, которую мы составили на основе опроса населения 2017 г., можно сказать, что большинство монгольских респондентов из всех трех групп ощущают положительное влияние границы на свою жизнь. У тувинских респондентов мнение разделилось. Так, больше всего респондентов, которые ощущают положительное влияние государственной границы, среди сторонников законов и сильного государства. Среди нигилистической и дружественной групп такой оценки придерживаются 30-40% ответивших респондентов. Отсутствие какого-либо влияния, и это хорошо видно по процентному соотношению, ощущает в наибольшей степени на себе группа дружественно настроенных респондентов. Негативное влияние границы на свою повседневную жизнь в основном ощущают на себе нигилистически настроенные респонденты. Таким образом, большинство граждан, проживающих в непосредственной близости от государственной границы, положительно оценивают влияние границы на свою повседневную жизнь. Но при этом всё же отметили отрицательное влияние нигилистически настроенные респонденты.

Сравнивая результаты ответов за 2010 и 2017 гг. на вопрос о степени укрепленности государственной границы, можно отметить положительную динамику в ответах. Так, например, если в 2010 г. 52,4% тувинцев и 53,4% монголов выбрали положительный ответ, то в 2017 г. таковых стало 60,6% и 60,5%, соответственно.

Во всех трех группах, как среди тувинцев, так и среди монголов, больше половины ответивших уверены, что государственная граница между Тувой и Монголией хорошо укреплена. Таким образом, у большинства жителей приграничья, какую бы точку зрения они ни разделяли, есть ощущение, что государственная граница под надежным «замком». Причем «замок» настолько сильный, что граждане предлагают внести изменения в систему прохождения границы, потому что система прохождения через границу устраивает не всех, а именно – снизить количество административных барьеров, сделать вход свободным. Доля тувинцев, выбравших этот вариант ответа, в 2017 г. осталась такой же, как и в 2010-м, а именно – 40,0%. А доля монгольских респондентов за 2017 г. выросла с 53,4% (2010 г.) до 61,7%. Вариант ответа «Все устраивает, ничего менять не надо» в 2017 г. выбрало на 6,2% тувинцев больше, чем в 2010 г., а доля монгольских респондентов сократилась на 2%. При этом как у тувинцев, так и у монголов на несколько процентов сократилось число респондентов, убежденных, что необходимо ужесточить меры прохождения через границу.

Составив таблицу сопряженности по двум переменным: «Вас устраивает существующая система прохождения через границу?» и «Какое высказывание Вам наиболее ближе?», мы увидели, что монгольских респондентов всех трех групп беспокоит вопрос о чрезмерном контроле при прохождении границы, они выбирают вариант о снижении бюрократических процедур и предлагают сделать вход свободным. У тувинских респондентов нет такого единодушия во взглядах. Так, например, о снижении барьеров высказались сторонники дружественных отношений, что вполне логично, а также государственники, что, на первый взгляд, нелогично, т.к. ожидается, что сторонники крепкой границы будут выступать

за усиление контроля. Однако такие ответы имеют под собой более сильные позиции, поскольку респонденты-государственники настолько уверены в неприступности рубежей и силе своей страны, что вполне допускают вариант о послаблении системы контроля при прохождении государственной границы. Точно так же нелогично выглядят ответы нигилистически настроенных респондентов, которые меньше, чем представители других групп, выбирают вариант ослабления контроля, но доля желающих все оставить без изменений больше, чем в других группах респондентов тувинцев. Это свидетельствует, на наш взгляд, о низком доверии к государству и преобладании мнения о том, что даже при послаблениях в системе контроля перемен не будет, поэтому лучше оставить все как есть. А ситуацию, когда высокая доля желающих все изменить в группе нигилистов, можно было бы рассматривать как индикатор наличия настроений на перемены более активными действиями.

Таким образом, проанализировав, как респонденты из трех групп оценивают фактор границы и систему прохождения через нее, можно заключить, что, во-первых, монголы всех трех групп рассматривают фактор границы более позитивно, чем тувинцы, больше видят положительного влияния на свою повседневную жизнь, что говорит о большей вовлеченности монгольских респондентов в приграничное

взаимодействие, они используют «ресурс границы» в своих целях, видят перспективы для дальнейшего сотрудничества; во-вторых, по мнению соседних сторон, государственная граница надежно укреплена, с этим соглашается и нигилистически настроенная группа; в-третьих, систему пересечения границы следует ослабить либо оставить все как есть.

Вопросы правонарушений

Криминогенная обстановка в приграничных районах с обеих сторон границы складывается по-разному. Приграничные кожууны Республики Тыва занимают одни из первых мест по уровню зарегистрированной преступности. Так, например, Эрзинский и Овюрский районы на 2-м и 3-м местах, а Тес-Хемский – на 7-м месте из числа 17 кожуунов республики. В Монголии – 22 аймака, из которых Увс аймак – на 18-м и Завхан аймак – на 20-м местах по числу зарегистрированных преступлений в расчете на 10 тыс. населения в 2016 г.

В таблице 2 представлены данные по числу зарегистрированных преступлений на 10 тыс. человек с 2012 по 2016 гг. Во всех анализируемых приграничных районах Тувы с 2012 г. число преступлений возрастает, а в монгольских аймаках – сокращается. Так, в Овюрском кожууне прирост составил 53%, в Тес-Хемском – 18%, в Эрзинском – 5%. В приграничных аймаках Монголии за период с 2012 по 2016 гг. произошло сокращение: в Завхане – сразу на 27%, в Увс аймаке – на 6%.

Таблица 2

Число зарегистрированных преступлений на 10 000 человек населения, ед. [8]

Кожууны/ Аймаки	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Место, занимаемое в республике/стране 2016 г.
Овюрский	108	131	137	123	165	3
Тес-Хемский	171	142	161	244	202	7
Эрзинский	153	138	140	177	160	2
Завхан	78	66	69	70	57	20
Увс	70	75	80	77	66	18

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «В отношении кого больше всего совершаются преступления в районе Вашего проживания», %

	2017 г.	
	Тувинцы	Монголы
Преступления против жителей своего района	23,0	28,4
Преступления против жителей другого района	4,8	1,2
Преступления против приезжих	7,3	11,1
Преступления против жителей соседней страны	1,8	1,2
Затрудняюсь ответить	63,0	58,0

По количеству преступлений тувинские районы в 2 или 3 раза опережают монгольские. При этом стоит отметить, что эти сведения носят общий характер, без конкретизации по видам преступлений и против кого они были совершены, против жителей района, против приезжих или граждан соседней страны. Такие сведения нам не удалось получить от правоохранительных органов. Но мы предложили ответить респондентам, как они считают, каких преступлений больше совершается в районе их проживания. Ответы распределились следующим образом (таблица 3).

Больше половины опрошенных тувинцев и монголов затруднились при выборе ответа на вопрос о том, каких преступлений больше совершается в данном районе. Такая высокая доля затруднившихся, по нашему мнению, свидетельствует об отсутствии информации по данному вопросу. При наличии громких резонансных дел или большого количества преступлений, особенно против жителей соседней страны, распределение ответов было бы другим. Оставшиеся ответы распределились следующим образом: 23,0% тувинцев и 2,4% монголов полагают, что больше всего преступлений совершается против жителей своего района; 7,3% тувинцев и 11,1% монголов выбрали вариант ответа «преступления против приезжих»; 4,8%

тувинцев и 1,2% монголов – «преступления против жителей другого района»; 1,8% тувинцев и 1,2% монголов полагают, что в районах, где они проживают, больше всего совершается преступлений против жителей соседней страны. На вопрос: «Приходилось ли Вам сталкиваться с преступными действиями со стороны тувинцев либо монголов», большая часть респондентов по обе стороны границы ответили отрицательно, причём в 2017 г. доля выбравших ответ «нет, не приходилось» выросла в среднем на 10%, по сравнению с 2010 г.

Сравнив ответы монголов и тувинцев по вопросу оценки уровня защищенности, которую обеспечивают правоохранительные органы, можно сказать, что монгольские респонденты больше чувствуют себя защищенными от проявлений преступности, нежели тувинцы. Разброс в ответах о степени защищенности от проявлений преступности подтолкнул нас к вопросу о том, как ответили представители трех групп. Практически одинаковый результат по трем группам получил ответ «некоторая защита все же обеспечивается». Остальные ответы существенно отличались. Так, например, нигилистически настроенных респондентов примерно в 4 раза меньше, чем государственников и доброжелателей. При этом нигилисты в большей степени убеждены, что

защита совершенно не обеспечивается, их доля превышает долю аналогично считающих государственных и дружественно настроенных респондентов примерно в 6 раз. Таким образом, в целом уровень трансграничной преступности низкий, но население по обе стороны границы по-разному оценивает уровень своей защищенности, которую обеспечивают правоохранительные органы. Монголы чувствуют себя более защищенными, чем тувинские респонденты, при этом менее защищенными ощущают себя нигилистически настроенные респонденты.

Меры по улучшению ситуации

Правовые процессы приграничных территорий, как было сказано выше, представляют собой разновидность социальных процессов, а именно – определенную последовательность изменений социальных систем и составляющих их элементов. Правовым процессом можно управлять, разрабатывать алгоритмы действий для его оптимизации, но для этого нужно знать и понимать, куда необходимо направить внимание. Решить этот вопрос помогают социологические исследования, призванные научными методами получить достоверную информацию от участников процесса. Так, в ходе нашего исследования респондентам был предложен открытый вопрос: «Что, на Ваш взгляд, необходимо предпринять властям России и Монголии, чтобы снизить на границе уровень преступности?». Большинство респондентов затруднились с формулировкой ответа либо посчитали, что на данный момент задействованы все необходимые средства. Однако были и респонденты, которые, несмотря на все усилия обеих сторон – России и Монголии – в вопросах приграничной преступности, видят слабые места и предложили свои варианты.

Так, у тувинских респондентов наиболее часто встречающимся ответом стали предложения по усилению профилактических мер, а

именно – пропаганда и профилактика правонарушений, разъяснение законов. На втором месте – развитие дружеских связей, общения. На третьем – ужесточение системы наказания, активизация работы со скотокрадами. В двух ответах был предложен набор инструментов, который поможет решить проблему: «Пограничникам больше по границе с собаками ходить, побольше квадрокоптеров», «Чипы на скот, чтобы чипование было доступно для простого животновода» (в редакции респондентов).

В предложениях и пожеланиях монгольских респондентов самыми распространенными оказались меры по ужесточению системы контроля прохождения границы, охраны рубежей, наказания за преступления, а в особенности – за скотокрадство. Кроме того, ужесточение самих законов, повышение штрафов. Также монголы предлагают и другие инструменты для решения проблемы, например, «установить камеры наблюдения на границе». Меры по развитию дружественных отношений между приграничными жителями встречаются в трех анкетах, а профилактика правонарушений, разъяснение законов – всего один раз.

Таким образом, мы видим, какие, по мнению респондентов, существуют основные проблемные места, которые нужно решить. При этом каждой из сторон отдаются свои приоритеты. По мнению тувинских респондентов, для профилактики правонарушений необходимо проводить больше разъяснительных мероприятий с населением, доносить нормативно-правовую информацию в более доступной для простого населения форме. Такая потребность вызвана трудностями перевода. Дело в том, что мало людей читают законы. Ситуация усугубляется еще и тем, что все законы Российской Федерации публикуются на русском языке, а найти необходимые федеральные законы на тувинском языке в свободном доступе в сети Интернет или

в продаже не представляется возможным. Кроме того, в последние годы наблюдается усугубление негативной тенденции снижения уровня владения русским языком среди тувинского коренного населения. Эта тенденция имеет прямую зависимость от территориального удаления от столицы республики – г. Кызыла: чем дальше от центра, тем степень владения русским языком понижается, а приграничные районы – это самые удаленные точки региона.

В Монголии не возникает трудностей перевода, т.к. страна говорит на одном языке, поэтому у них это предложение по разъяснительным мероприятиям с населением не получило большой поддержки. Зато у них актуальны вопросы скотокрадства, незаконного пересечения границы. В ответах нет уточнения, с какой именно стороны границы идет незаконное пересечение, но, следуя логике, можно предположить, раз население именно монгольского приграничья сильно обеспокоено данным вопросом, то, скорее всего, границу пересекают тувинцы, которые и воруют скот. Это предположение основано на результатах опроса, и, к нашему сожалению, его невозможно подтвердить данными официальной статистики, поскольку подобные сведения относятся к государственной тайне и не могут быть обнародованы. Эту проблему можно выявить и осветить, используя, в частности, методы экспертного

опроса, контент-анализа, которые не были запланированы в ходе проведения данного исследования, но будут использоваться в дальнейших исследованиях этой проблемы.

Выводы. Цель исследования – раскрыть особенности правовой идентификации тувинско-монгольского приграничного сообщества – достигнута. В ходе исследования мы получили научно обоснованные данные, которые способствуют пониманию правовой идентификации приграничных сообществ тувинско-монгольского участка государственной границы, выработке конкретных практических мер для решения конфликтных вопросов, снижения напряженности. А также мы получили подтверждение концептуальным основам теории социологии пространства Г. Зиммеля о том, что граница как социологический факт, принявший пространственную форму, определяется приграничным сообществом. Между Тувой и Монголией – одна граница, но, несмотря на это, жители соседних территорий имеют по большинству вопросов различные точки зрения, которые могут быть диаметрально противоположными. Каждая из сторон имеет собственное представление о правовых нормах, о границе, правонарушениях и обо всех прочих элементах правовых процессов тувинско-монгольского приграничного сообщества.

Примечания:

1. Бийжанова Э.К. Приграничье как объект исследования // Вестник Института социологии. 2014. № 4 (11). С. 11-22.

2. Рыжова Н.П. Процессы региональной интеграции в российско-китайском приграничье // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер.: История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 1 (13). С. 107-113.

3. Базаров Б.В. Приграничье Сибири и Восточной Азии: взаимодействие в условиях вызовов XXI в. // Власть. 2009. № 4. С. 3-6.

4. Бредникова О.Е. Приграничье как социальный феномен (направления социологической концептуализации) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. 2008. Вып. 4. С. 492-497.

5. Филиппов А.Ф. Релятивистская социология Георга Зиммеля // История теоретической социологии: в 4 т. / отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. Москва: Канон,

1998. Т. 2, разд. 3: Антинатуралистическая волна в науках о культуре и социологической теории. Гл. 2. С. 282-318.

6. Зиммель Г. Избранное. Т. 2: Созерцание жизни. Москва: Юрист, 1996. 607 с.

7. Симутина Н.Л., Рыжова Н.П. Экономические и социальные взаимодействия на трансграничном пространстве Благовещенск – Хэйхэ // Вестник ДВО РАН. 2007. № 5. С. 130-144.

8. Социально-экономические показатели городских округов и муниципальных районов Республики Тыва в 2016 году. Кызыл, 2017. С. 58; Данные Статистической информационной службы Монголии. URL: <http://www.1212.mn>.

References:

1. Biyghanova E.K. Borderland as an object of research // Bulletin of the Institute of Sociology. 2014. No. 4 (11). P. 11-22.

2. Ryzhova N.P. Processes of regional integration in the Russian-Chinese borderland // Bulletin of Volgograd State University. Ser. 4: History. Area Studies. International relationships. 2008. No. 1 (13). P. 107-113.

3. Bazarov B.V. The borderland of Siberia and East Asia: interaction in the face of challenges of the 21st century // Power. 2009. No. 4. P. 3-6.

4. Brednikova O.E. Borderland as a social phenomenon (directions of sociological conceptualization) // Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 12. 2008. Iss. 4. P. 492 (492-497).

5. Filippov A.F. Relativistic sociology of Georg Simmel // History of theoretical sociology: in 4 vols / ex. ed. and comp. by Yu.N. Davydov. M.: Kanon, 1998. Vol. 2. Section 3: The anti-naturalistic wave in the sciences of culture and sociological theory. Ch. 2. P. 282-318. P. 314.

6. Simmel G. Selected Works. Vol. 2. Contemplation of life. M.: Yurist, 1996. 607 pp.

7. Simutina N.L., Ryzhova N.P. Economic and social interactions on the transboundary space of Blagoveshchensk – Heihe // DVO RAS Bulletin. 2007. No. 5. P. 130-144.

8. Socio-economic data of urban districts and municipalities of the Republic of Tyva in 2016. Kyzyl, 2017. P. 58; Data of the Statistical Information Service of Mongolia [Electronic resource]. Access mode: <http://www.1212.mn>.